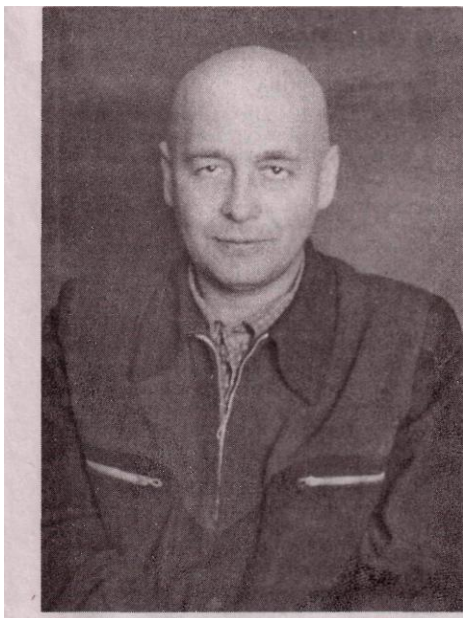

Татьяна МИНЕЕВА

НЕДАВНО В НОВОКУЗНЕЦКОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ ПРОШЛА ВЫСТАВКА «ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ГОРОДА» ПОСВЯЩЁННАЯ ЗАСЛУЖЕННОМУ СТРОИТЕЛЮ РСФСР АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ ФОЙГТУ. ОНА НАПОМНИЛА НОВОКУЗНЕЧАНАМ О ВЫДАЮЩЕМСЯ ЧЕЛОВЕКЕ, ЧЬЯ ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЫЛА НЕРАЗРЫВНО СВЯЗАНА С БИОГРАФИЕЙ ЮЖНОЙ СТОЛИЦЫ КУЗБАССА. КУЗНЕЦКСТРОЙ, СТРОИТЕЛЬСТВО РУДНОЙ БАЗЫ КМК, ВОЗВЕДЕНИЕ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО КОМБИНАТА - ЭТИ ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЕХИ БЫЛИ ОБЩИМИ В СУДЬБАХ АЛ. ФОЙГТА И ГОРОДА НОВОКУЗНЕЦКА

Наверное, не посети Иван Павлович Бардин в 1930 году Ленинградский Гипромез, в котором Студенты местного политеха проходили практику, вряд ли бы мы знали сейчас, кто такой Александр Фойгт. Но главный инженер Кузнецкстрой не мог периодически не навещать это учреждение, ведь оно занималось разработкой пятилетнего плана создания новых металлургических заводов страны. В спорах и дискуссиях определялись тогда контуры будущих гигантов: Магнитогорского и Кузнецкого металлургических комбинатов, создавались эскизные наброски Запорожстали, Азовстали и многих других предприятий, прославивших позднее отечественную индустрию.

Первый раз в масштабе страны начиналось централизованное проектирование ведущей отрасли промышленности — чёрной металлургии. Вот там-то и увидел будущий Саша Фойгт Бардина. «Сухощавый, волевой, полный энергии, он принёс с собой кипучий пульс Кузнецкстрой, романтику далёкой сибирской стройки. Эта романтика глядела на нас с привезённых Бардиным фотографий штолен Тельбеса и котлованов вздыбленной земли на строительной площадке Кузнецкстрой, покоряла неслыханными до сих пор темпами и масштабами, — вспоминал спустя десятилетия Александр Павлович Фойгт. — И.П. Бардина мы воспринимали как русского первопроходца, безраздельно охваченного идеей создания мощнейшего завода в необжитой Сибири. Всем обликом главный инженер Кузнецкстрой был резко контрастен лощёным гипромезовским инженерам. И, может быть, именно вследствие этого контраста мы отдали свои симпатии Бардину и Кузнецкстрою. Бардин, конечно, и не подозревал о том, что студенты-практиканты «заболели» Кузнецкстроем, многие — на всю жизнь».***

Эта встреча стала судьбоносной для Александра Фойгта. Выбор был сделан. «В 1931 году после окончания института мы получили путёвки на Кузнецкстрой. Поехали туда в августе. Поезд шёл по Кузнецкой земле мимо перелесков и тогда ещё редких терриконов угольных шахт. И везде вместе с нами непрерывным потоком двигались гружёные составы с надписью на вагонах «для Кузнецкстрой». В этом потоке грузов, посланных со всех концов страны, мы впервые осознали себя кузнецкстроевцами».

Здесь, на земле Кузнецкой, ленинградец А.П. Фойгт обрёл то, о чём только мог мечтать настоящий советский человек, — дело своей жизни. Он пройдёт славный трудовой путь и до конца своих дней будет

хранить бланк главного инженера Кузнецкстроя с резолюцией о направлении его, молодого специалиста, на строительство мартеновского цеха. В музее имени Бардина есть личное дело №76, начатое в августе 1931 года. В нём указана первая должность Александра Фойгта — инженер технических занятий с окладом 290 рублей и испытательным сроком 24 рабочих дня. В служебных записках отражены все дальнейшие перемещения: инженер по оборудованию мартеновского цеха, заведующий техническим отделом мартеновского цеха, в годы войны, когда на КМК стали размещать эвакуированные заводы, — сначала начальник монтажного участка, затем главный инженер монтажного управления. От рядового инженера на Кузнецкстрое он дорастёт до заместителя главного инженера крупного строительного треста «Сталинскпромстрой», заместителя директора Запсиба по капитальному строительству. Но основным его делом станет возведение рудной базы Кузнецкого металлургического комбината. С 1947 по 1962 годы Александр Павлович Фойгт будет работать главным инженером управления «Рудстрой», которое возведёт Шерегешский, Шалымский, Казский, Темирский, Таштагольский и Тейский рудники Горной Шории.

Как писать о человеке, который ушёл из жизни 35 лет назад? Сухие строки биографии, послужной список, удостоверения депутата, награды, хранящиеся в архивах музеев, немного скажут о его незаурядной натуре. Вот пожелтевшая от времени анкета советского периода, датированная 25 января 1955 года, с пристрастием выясняющая, где родился, к какому сословию принадлежал, чем занимались до революции родители, менял ли фамилию, испытывал ли колебания в проведении линии партии, участвовал ли в антипартийных группировках и так далее и тому подобное. Типичный набор вопросов, много говорящих о времени, когда движущей силой общества считалась классовая борьба. Не менял, не колебался, не участвовал, отвечает коммунист Александр Павлович Фойгт, не скрывает, что «дворянских кровей». А вот материалы, подтверждающие, что А.П. Фойгт неоднократно избирался депутатом и членом исполкома городского Совета, членом Заводского райкома КПСС, принимал активное участие в общественной жизни коллектива завода. Для крупного руководителя того времени иначе быть не могло. В другом документе — информация о том, что этому человеку никогда не было стыдно «за бесцельно прожитые годы»: за заслуги перед родиной был награждён тремя орденами Трудового Красного Знамени, двумя орденами «Знак Почёта», орденом Красной Звезды. Но за официозом не увидеть человека во всём *** многообразии его духовных устремлений. Только несколько исписанных синими чернилами листочков (воспоминания, сделанные когда-то, похоже, по просьбе музейных работников) дают первые представления о нём. Интеллигентен, скромен. На передний план выводит не себя и свои заслуги, а рядовых строителей, с которыми посчастливилось, как он пишет, трудиться. Старых дореволюционных десятников — в 30-х годах они ещё были на Кузнецкстрое, — как правило, не очень грамотных, но больших знатоков своего дела, бригадиров, плотников. «Работали эти люди изумительно, я многому у них научился», — пишет Фойгт. И добавляет: «В отличие от многих теперешних молодых инженеров мы не стеснялись учиться у простых рабочих».

Но во всей полноте силу и обаяние личности Александра Павловича Фойгта открывают его замечательные дневники, в которых он повествует о времени и о себе, где предстаёт в действии, в живом процессе творчества. Исписанные не всегда понятным мелким убористым почерком конторские книги распахивают двери в другой, кардинально отличный от сегодняшнего, мир, полный невероятных трудностей, смелых дерзаний, героизма и красоты. В них есть психологическая правда, мягкая человечность и талант литератора. Дневники дают понимание: Александр Фойгт не был «сухим технарем», он был романтиком, поэтому-то и оказался в 1931-м на Кузнецкстрое, а в 1947-м — в Горной Шории. На выставке в краеведческом музее представлен только один дневник, написанный в период строительства Шалымского рудника, а всего их пять, которые можно объединить одним названием — Шалымские хроники.

В 1945 году Советом Министров СССР был взят курс на наращивание мощностей уже имеющихся в стране рудников и создание новых. Для обеспечения металлургии Западной Сибири собственной рудной базой по плану четвёртой пятилетки намечалось построить в 1946 — 1950 годах Шалымский и Шерегешский рудники в Горной Шории, Абаканский — в Хакасии, Абагурскую обогатительную фабрику в Сталинске.

В мае 1945 года заместитель главного инженера треста «Сталинскпромстрой» А.П. Фойгт выехал в Горную Шорию, чтобы ознакомиться с районом, в котором тресту вскоре предстояло работать. Посетил Таштагол, Темир-Тау, Мундыбаш, был на месте будущего Шалымского рудника, где уже располагался строительный участок. Что он увидел? Сваленные в кучу под открытым небом материалы, спящих у машин из-за отсутствия жилья рабочих — заключённых и спецпереселенцев. Продукты им с большими задержками подвозили из Таштагола, используя для этого американский вездеход на гусеничном ходу, — только он мог ходить по бездорожью. «Я не предполагал, что через три года после этой поездки попаду в Горную Шорию и осяду в ней на целых пять лет. Если бы я предполагал... Впрочем, это ничего бы не изменило!» — пишет он в дневнике.

Невольное и многоговорящее восклицание: «Если бы я предполагал...» Тогда, в 1945-м, он, конечно, не мог и представить, какой *** кровью будет даваться это строительство. Железородные месторождения находились в высокогорной части юга Кузбасса. Крутые горы, тайга, зимой постоянные бураны, снеговой покров, достигающий в логах трёх метров в высоту, летом — грозовые ливни, жара и гнус. В этих неблагоприятных условиях предстояло в короткий срок произвести большой объём подготовительных работ: построить посёлок, железную и шоссейную дороги до промышленной площадки, линию электропередач, выполнить инженерные работы. «Мы понимали, что штурмом такой объект не взять, поэтому приняли решение

первоначально обосноваться на разъезде Кондома в 20 километрах от будущего рудника. За лето 1946 года спешно возвели там бараки, столовую, магазин, баню, медпункт, пекарню, складские помещения. Осенью сделали первую попытку пробиться через тайгу на Шалым и осесть там. Однако непрерывные бураны отрезали Шалым от Кондомы, продукты рабочим с большими трудностями доставляли на лыжах. Десант пришлось отозвать. Было принято новое решение — строить узкоколейную железную дорогу в долине реки Шалым. Но и здесь было немало препятствий: небольшая горная речка имела буйный характер. В весеннее половодье и летние дожди затопляла всю долину, заносила илом уже уложенное полотно узкоколейки», - вспоминал начало шалымской эпопеи А.П. Фойгт.

В таких условиях можно было рассчитывать только на профессионализм и организаторский талант руководителя, на сознательность и героические усилия рабочих. К счастью, было и то, и другое. Учителем и наставником Александра Фойгта являлся сам Иван Павлович Бардин. Его стиль работы ощущался и в постановке дела, и в требовательности, и в смелости инженерных решений, принимаемых главным инженером Шалымского рудника. «Бардин совершенно правильно считал, что решать производственную задачу можно только тогда, когда представляешь себе её объём, причём не в общих чертах, а в подробностях», - вспоминал Фойгт. Именно так работал и он сам.

Осенью 1946-го в системе треста «Сталинск-промстрой» было создано управление «Рудстрой», на которое возлагалось строительство Шалымского и Шерегешского рудников: 30 декабря 1947 года А.П. Фойгта назначили его главным инженером.

«Положение к этому времени было таково, - писал Александр Павлович, - существовала 10-километровая узкоколейная железная дорога, посёлок строителей на Кондоме, палаточный городок на Шалыме. Рабочих с заключёнными насчитывалось около пяти тысяч человек. Строительной документации было крайне мало. На станцию Кондома грузы по ступали в вагонах. Здесь их перегружали и по узкоколейке везли до Шалыма, там выгружали снова. От Шалыма до горы, где находился рудник, были проложены лежневые дороги. У подножия грузы опять перегружали, на этот раз — на бремсберг. Всё это было сложно, тяжело и дорого. Нужна была железная дорога широкой колеи, электролиния Мундыбаш - Кондома и постоянный посёлок на Шалыме».

Три года инженеры, техники, рабочие жили в палатках. Когда трудившиеся на строительстве ЛЭП «Мундыбаш — Кондома — Палатка» девушки возвращались со смены и снимали с себя брезентовые плащи, те стояли, расставив рукава: обледенели.

Из дневника: «...На трассе очень тяжело. Тракторы выбиваются из сил, карабкаясь по горам. Лошади не в состоянии двигаться. Под глубоким снегом — незамерзающие речки и болота. Люди без валенок, в холодных резиновых сапогах. Когда в этих сапогах идёшь по снегу, кажется, будто идёшь босиком в ледяной воде. Доставка продуктов затруднена до предела, особенно в отдалённые палатки. Но подавляющее большинство людей сохраняют бодрость духа, энергию, весёлость. Они заслуживают всяческого уважения. Но кроме уважения их же надо одеть, накормить, обогреть, дать им хотя бы минимальные условия для культурного ***отдыха. Надо - это одно. Как сделать — это совсем другое. И это другое сделать очень трудно».

Люди мёрзли, голодали, и всё же на такой, казалось бы, «неплодородной» почве вырастали характеры. Работа «выражала» людей, их внутреннюю суть, а через них время — историю и черты эпохи. Летом 1948 года началось строительство промышленных объектов на руднике. По проекту корпуса должны были сооружаться на вершине рудной горы, на полуторакилометровой высоте. Для этого в склоне горы предстояло прорубить две широкие террасы, поднять туда экскаватор, чтобы с его помощью разобрать породу. Работа практически ювелирная.

<<...Загрохотали взрывы, вздыбилась, поднялась тяжёлыми обломками в воздух скальная чаща, — красочно описывает А.П. Фойгт этот исторический для рудника момент. — Расчистили просеку и стали поднимать экскаватор по крутому склону. Впереди его шли два трактора. Тяжёлая машина экскаватора вдавливалась в едва прикрытую мхом вязкую глину. Нужно непрерывно подмащивать дорогу, подвигивать, выправлять крен. Каждую минуту есть опасность, что машина сползёт или опрокинется, и тогда её не удержат никакими силами. Полтора километра пути — неделя тяжёлого, изматывающего все силы труда. И затем — те короткие, но торжественные и радостные пять минут, когда наконец заходил на горе, загрохотал ковшом экскаватор. Стало ясно, что рудная гора взята».

Шалымский рудник регулярно посещали руководители разных масштабов: от директора КМК Белана, секретарей райкома, горкома и обкома до заместителей министров - либо строительства, либо металлургической промышленности. В декабре 1952 года приезжал сам Иван Фёдорович Тевосян, заместитель председателя Совета Министров СССР. Постоянно навещались и партнеры строителей - горняки, отношения с которыми, судя по дневниковым записям, не всегда складывались так, как хотелось бы А.П. Фойгту. Один из таких визитов Александр Павлович живописно и подробно описывает в Шалымских хрониках. «...Звонят из райкома. Ф.В. Улагашев желает посетить трассу. Договариваемся о встрече на Кондоме, но в тот же день положение изменяется. П.Е. Следзюк со свитой, оказывается, тоже едет на трассу. Поэтому место randevу переносится в Мундыбаш. Переночевав в гостинице Аглофабрики, садимся верхом. Нас набралось 12 человек. Кавалькада проезжает Мундыбашским посёлком и углубляется в горы. Осматриваем трассу. Разговариваем с рабочими второго участка. Жалуются на бытовые условия, на задержку выдачи заработной платы. Горняки с удовольствием «берут на карандаш» недостатки.

Отдыхаем в районе Тенеша. Завтракаем. Мне не хочется есть, и я лежу на спине под стогом сена и

смотрю в синее небо, иногда улавливая ехидные реплики горняков в адрес строителей. Огрызаюсь и снова смотрю в небо, на тайгу, на катающихся по траве лошадей. День солнечный, пригожий. Тепло, пожалуй, даже жарко немного в фуфайке и плаще. Когда мы находимся в районе опоры №102, начинает темнеть. Биниток и Повитухин застревают в болоте. Лошадь Бинитока падает, подпруга рвётся. Пока подпруга приводится в порядок, становится совсем темно. Где-то впереди, на горе, светит костёр, зажжённый Шнейдером и Целиковским. Сигнализирую фонариком. Отвечают. Возле Анзаса, объезжая карантинную зону, сбиваемся с пути. Осторожно спускаемся вниз, к железной дороге. Проезжаем по рельсам и спешиваемся у палаток. Откуда ни возьмись появляются путейцы. Наседают на нас. Мы совершили проступок, проехав по путям. «Оштрафуем по сто рублей». — заявляют. «Вы знаете, кто я такой! — выходит из себя Улагашев. — Я вам в райкоме покажу, кто я такой!» Неверно взятый тон вызывает скандал. Вмешивается Следзюк: «Железнодорожники правы, лучше смолчать». Поужинав, укладываемся спать в палатке. ***

Следующий день не похож на предыдущий. Идёт мокрый снег, дует ветер. Промозгло и противно. Едем дальше. Холодно! Плащ промок, замёрз и стал похожим на панцирь. От промокиших перчаток руки стали коричневыми. Подняться на гору у берёзовой роци невозможно: лошади выбиваются из сил, останавливаются. Слезаем и ведём их на поводу. Подъём крут, ноги скользят в каше из снега и грязи. Отдохнув, пускаемся в дальнейший путь. В очередной палатке опять жалобы на задержку зарплаты, на плохое снабжение продуктами. Горняки снова строчат в блокнотах: нет медицинского обслуживания! Ох, и сволочной же они народ! К Соколушке добираемся совершенно невозможным путём, истинно «партизанской тропой»: через бурелом, болота, глубокие канавы, по шпалам давно заброшенной узкоколейки, вброд через реку Мундыбаш. Все замёрзли. Вид у всадников далеко не боевой.

...15 октября на бюро райкома слушается мой доклад о строительстве ЛЭП-110. Несмотря на неопровержимые документы, доказывающие нерасторопность горного управления, вина за задержку взваливается на трест «Сталинскпромстрой». Звучат пламенные речи. Горняки требуют наказать виновных. Характерная деталь: пока я докладываю, три раза выключают свет, очевидно, для пущей убедительности! Критика наших недостатков в основном справедлива. Это надо признать. Но не мы одни виноваты в том, что ЛЭП-110 не построена ранее. К сожалению, бюро райкома с этим не соглашается. У меня остаётся неприятный осадок. Я не люблю тенденциозность, и ещё обидно.

На следующий день мы даём бой горному управлению по вопросам финансирования в кабинете Н.П. Оборина. Вместе с Промбанком доказываем, кто основной виновник задержки, — горное управление, которое не обеспечивает финансирование выполняемых работ. Однако решения не удаётся найти...

А положение совершенно невозможное. Денег нет, люди осаждают мой кабинет, требуют и просят зарплату. Многие плачут. Я же бессилен и могу только сочувствовать, обещать, ругаться, если меня допекут...

...Кончается декабрь. На руднике плохо. Штурмуем, как водится, но срываемся. Из-за отсутствия оборудования канатная дорога далеко ещё не закончена, руда вывозится автотранспортом на станцию Шалым, откуда отгружается в Мундыбаш и Сталинск. В своё время, добиваясь ввода в эксплуатацию потока окисленной руды, горняки обещали изменить пусковой комплекс, исключить из него канатную дорогу и связанные с ней объекты на станции Шерегеш. Но изменённый пусковой комплекс не утверждён, формально действует прежний. Значит, рудник сдавать нельзя. Выходит, что нас снова обыграли! И, как назло, приезжает И.Ф. Тевосян. Для нас это означает полную возможность сдать рудник, ибо, увидав незаконченность нижней промплощадки, Иван Фёдорович, разумеется, не согласится на создание государственной комиссии. Не везёт!»

Если обобщить ход строительства Шалымского рудника, то подготовка к возведению промышленного комплекса заняла три года, а само строительство — два. Надо признать, скажет позже А.П. Фойгт, что началось оно недостаточно продумано, без учёта особо трудных условий, без хорошей подготовки, с явно недостаточными силами и механовооружённостью. Только самоотверженный труд всего коллектива обеспечил ввод в эксплуатацию Шалымского рудника в 1950 году.

Вечные производственные проблемы и заботы. Заседания обкома, райкома. Проверки, взбучки. Бремя ответственности. И тем не менее, погружаясь с головой в дела, главный инженер Рудстроя не теряет интереса к жизни вне работы, замечает красоту окружающего мира, которая находит отклик в его душе.

«...В воскресенье мне подают осёдланную лошадь. Давно я не ездил верхом, а ведь когда-то, в 1948 - 1949 годах, верховая езда была ежедневной. Меняются времена!

Маяк совсем недавно ходил в седле. От своей матери — незабвенной моей Маши — он унаследовал гордо посаженную голову, синие глаза и красивую походку. Маяк боится автомашин и тракторов, и мне приходится постоянно быть начеку, сдерживая его туго натянутым поводом. Мы едем по шоссе на Кондому, и я разговариваю с Маяком, как когда-то всегда разговаривал с Машкой, но мы мало знакомы, и разговор не клеится. Табун пасущихся на пятом километре лошадей приходится объезжать далеко тайгой. Маяк ржёт, рвёт повод и стремится поухаживать за шустрыми кобылками из табуна. Из чувства стыдливости я не могу ему это позволить. На трассе жарко. Кусты черёмухи покрыты пышными белыми гроздьями цветов, свежая трава никнет под конским копытом, небо синее, и на нём проплывают лёгкие быстрые облака. Хорошо!»

Александр Павлович не только ведёт дневниковые записи, но и занимается живописью. На выставке в краеведческом музее были представлены три картины. Зимний пейзаж, лунная дорожка... Родники горной Шории нашли в лице Александра Павловича Фойгта не только своего строителя, но и своего публициста, историка и художника.

В конце 1949 года был заброшен десант на Шерегеш. Началось возведение жилого посёлка, а в мае 1951-го — промышленное сооружение нового рудника. В сентябре 1952-го пошла шерегешская руда. Комиссии рудник был сдан в декабре 1953 года. После окончания строительства Шалымского и Шерегешского рудников Александра Павловича Фойгта назначат главным инженером треста «Таштаголрудстрой». Впереди у него будут Казский, Темирский, Таштагольский и Тейский рудники Горной Шории.

Летом 1958 года произошло знаменательное для А.П. Фойгта событие. На Абаканском руднике в Хакасии, куда Александр Павлович приехал по производственным делам, он встретился с дорогим для него человеком, 28 лет назад определившим его судьбу, — академиком Иваном Павловичем Бардиным. Им было о чём поговорить и что вспомнить. Оба стали частью истории Кузнецкого металлургического комбината и города Новокузнецка. В своих воспоминаниях Фойгт напишет: «Главное для нас было то, что мы оба были кузнечекстроевцами. Это чувство сродни чувству однополчан, оно может потускнеть, но не может исчезнуть бесследно».

«...Тёплым вечером мы прощались с Иваном Павловичем на железнодорожной станции Хабзас в предгорье Кузнецкого Алатау. Пахло полынью. Закатное солнце освещало фигуру И.П. Бардина на площадке вагона. Поезд медленно двинулся на запад, в Новокузнецк, в город, который обязан своим возникновением Кузнечекстрой, лучшим годам жизни Ивана Павловича. Больше мне не довелось встретиться с Бардиным. Когда я думаю о нём, вспоминаю не только Гипромез и Кузнечекстрой, но и эту маленькую станцию в Хакасии и лучи вечернего солнца на его лице...»

В 1962 году А.П. Фойгт станет заместителем директора Западно-Сибирского металлургического комбината по капитальному строительству. При его непосредственном участии будут введены в строй первая — четвёртая коксовые батареи, аглофабрика, первая и вторая доменные печи, комплекс конвертерного цеха, прокатный и проволочный станы, обжимной цех с непрерывно-заготовочным станом, большой комплекс энергетических и ремонтно-вспомогательных цехов. О романтическом и героическом прошлом ему будут напоминать рудники Горной Шории и Шалымские хроники. Книга его жизни закроется 28 ноября 1974 года. Ему будет всего 64 года.

Потрясающий феномен советской эпохи, на мой взгляд, состоит в том, что лучшие её представители, такие, как Александр Павлович Фойгт, понимали смысл человеческой жизни как сотворение мира. Поэтому ставили перед собой грандиозные, представляющиеся на первый взгляд фантастическими, задачи. Решая их, они на глубинном уровне познавали природу и духовную сущность самих себя. Эти люди — наш золотой фонд, который не даст нам в период безвременья, когда происходит смещение нравственных ценностей и главным объектом поклонения становится золотой телец, не потерять себя окончательно.